

Так размышляя я, скользил взглядом по военачальникам, что показывали искусство верховой езды. Вдруг один, подняв высоко знамя Хоуи, стреляющего в солнца, вынесся вперёд в одиночку. За ним устремились несколько юношей, все с волосами, собранными на затылке, в налобных повязках, что носить дозволялось лишь принцам, с повязками на глазах, в разноцветных костюмах для верховой езды, и доспехи их сверкали.

Впереди всех нёсся всадник в серебристо-белом. Я услышал, как придворная девушка рядом ахнула: «Старший принц!» — и увидел, как тот юноша привстал на стремянах, наклонился вбок, движения его были плавны и прекрасны, стремительны и неудержимы. Снял он со спины длинный лук, натянул тетиву — и белые оперённые стрелы помчались к небесам, словно молнии, целясь в орлов, что кружили с золотыми шарами. Но вдруг чёрная стрела прорезала строй белых, сразив одного орла наповал.

Орёл с шаром рухнул с неба, и тут раздался громкий клич. Я опустил взор и увидел, как знамя Мянъ взметнулось порывом ветра, а из-за него вынесся всадник в чёрных одеждах и доспехах. Он оторвался от стремени, встал на колени на седле, резко развернулся и натянул тетиву до предела. В одно мгновение с десятков чёрных стрел пронзили облака и сразили всех девяти орлов. Вся эта череда действий была исполнена разом, с мощью и удалью мазка кисти, завораживающе и грозно.

Золотые птицы попадали на землю. Он опустил лук, натянул поводья и, обогнав прочих принцев, промчался по кругу арены. Конь и всадник замерли в центре поля, он одной рукой вырвал знамя Мянъ и, под всеобщими взорами, обернулся к помосту.

Осанка его, горделивая в седле, была словно у божества-асура, являя собой грозную силу, что не по годам.

— А Сяо Ду было всего пятнадцать. Молчал — молчал, да грянул, затмив и старшего принца.

Я был поражён и насторожился.

Одолеть всех на великих состязаниях — ход рискованный, с плеча. Будь на его месте я, не стал бы так привлекать внимание, нарываться на зависть. Но теперь-то Сяо Лану и сановникам не отвертеться — пятого сына им не проигнорировать.

Что ж, и это можно обратить в пользу.

Пора залатать отношения с этим волчонком, как-никак дядя и племянник, а то возьмёт да затаит обиду за ту пощёчину.

Я опустил голову, отхлебнул чаю и раздумывал, как бы это устроить. Одними сладкими речами не отделаться — в его годы самолюбие обострено, нужно и подарок достойный преподнести. Подумав, я нащупал у сердца нефритовую подвеску с кровавыми прожилками. Когда был императором, сокровищ на мне висело множество, а ныне лишь она одна и могла сойти за достойный дар.

С наступлением ночи великие состязания пышно завершились, а в Палате Фухуа только-только начинался семейный пир императорского дома.

Видеть Сяо Лана и бывших моих сановников не хотелось, и я собирался отговориться недугом, но, дабы перекинуться словом с Сяо Ду, всё же сел в паланкин, направлявшийся в Палату Фухуа. Путь от северных ворот до Садов Фухуа был долог, я задремал и уже почти погрузился в сон, когда мы наконец прибыли. Я был последним — все прочие родичи уже восседали на

своих местах.

Евнухи помогли мне выйти из паланкина и проводили в пиршественный зал. Сяо Лан сидел на возвышении, по бокам от него — императрица и наложницы. Принцы и приближённые сановники разместились по обе стороны.

Я занял своё место и сразу среди принцев заметил Сяо Ду — и тут же увидел, что за неполный год с ним произошли разительные перемены.

Хотя он сидел прямо на циновке, было видно, что стать его стала гораздо стройнее. Тёмные одеяния с узором из драконов придавали ему величавости, и даже старший принц Сяо Юй, слывший красавцем, рядом с ним мерк. Черты его смешанной крови проступили отчётливо, очертания лица заострились, став мужественными и весьма пригожими. Надбровья его выдались вперёд, а глаза глубоко посажены, узкие зелёные очи скрывались в тени, взгляд стал глубже, и угадать его мысли было нелегко.

Я разглядывал его пристально, а волчонок опустил веки, тонкие губы сжал, словно и внимания на меня обращать не желает.

— Ц-ц, неужто всё ещё дуется? Характерик-то упрямый.

Всего одна пощёчина — а я ведь дядя ему, разве не могу прикрикнуть?

Я усмехнулся едко. Подошёл евнух налить вина. Все подняли кубки, воздавая хвалу Сяо Лану и принцам, что явили свою удачу на состязаниях, говорили, что династии Сяо есть кому наследовать. А я в душе желал Сяо Лану, чтобы род его пресёкся.

Пить вино я, разумеется, не рисковал. Хотя отравить меня на семейном пиру Сяо Лан вряд ли бы решился, но несколько месяцев назад я опозорил его перед сыном, и нельзя было исключать, что пир сей — подвох. Я лишь смочил губы, а остальное вылил в рукав, затем велел евноху подлить ещё. После нескольких тостов и смены блюд сановники разговорились — открыто о делах не толкуя, но всё к вопросу о назначении наследника клоня. Наложницы тоже не отставали, каждая на свой лад расхваливала своих отпрысков. Пир превратился в поле скрытых битв, где каждый таил свои замыслы. Лишь Сяо Ду держался особняком, в стороне от этих течений. Хотя его и усыновила мать старшего принца, наложница Ли, но приёмная мать — не родная, где уж ей заботиться о чужом выродке, коли на своего родного сына глаз не хватает.

Глядя на высокомерное, подобно матери своей, лицо Сяо Юя, я даже пожалел немного Сяо Ду.

Если отбросить его прошлую бестактность, волчонок-то был славный.

Но в деле назначения наследника я, отрёкшийся император, разумеется, вставлять слово не мог. Лишь в душе решил твёрдо: помочь Сяо Ду взойти — ход, который я непременно сделаю. Сяо Ду, встреча с тобой — удача это для тебя или беда? Поживём — увидим. Кажется, он почуял мой взгляд, искоса глянул на меня, наши взоры скрестились на миг — и он тотчас отвернулся, поднял кубок, отхлебнул и залпом осушил, будто жажду утоляя, одним духом несколько чашек, так что уши его покраснели. Сжал кулак, прикрыл рот и кашлянул.

Я покачал головой, усмехаясь про себя: пить не умеешь, а пьёшь — разве в этом варварская кровь не помогла?

— Почему Верховный император не вкушает? Я повелел приготовить особые яства, а вы,

кажется, и аппетита не имеете?

В этот миг голос Сяо Лана прервал мои мысли.

Я лениво подпер голову рукой, облокотясь на столик, и безучастно ответил:

— Нет, просто устал, голова болит, и есть не хочется вовсе. Может, император разрешит мне удалиться пораньше отдохнуть?

Бывшие мои сановники, что ныне переметнулись к Сяо Лану, смотрели на меня с явной жалостью — видно, вид прежнего молодого императора, столь славного, а ныне в таком упадке, печалил их. Я же в душе усмехался: вернусь я когда-нибудь на престол — первым делом головы этим евнухам отрублю. Нет, не просто отрублю — четвертую пуцу.

Сяо Лан с любопытством оглядел меня, хлопнул в ладоши, и вереница служанок вошла в зал. Две первые несли в руках набор ослепительно-алых театральных одеяний, украшенных узором пламени, что символизировал Сихэ. То были те самые одежды, что я носил прежде.

Меня охватило дурное предчувствие. Служанки поднесли одеяния ко мне, и Сяо Лан усмехнулся:

— Слышал я, Верховный император любит по ночам петь, изображая Сихэ и моля о благоденствии для Царства Мянью. Во дворце все говорят, поёте вы изрядно. Не соблаговолите ли выказать нам честь и предстать передо мной и сановниками?

Я помрачнел, холодно уставясь на него. Сяо Лан отставил кубок:

— Неужто Верховный император сам станет переодеваться?

Едва он молвил, несколько служанок ухватили меня, принялись стаскивать с меня лисью шубу, верхние одежды, нижнее платье — при всех обнажив почти донага. Затем натянули на меня театральный наряд. Силы мои были на исходе, я не мог отбиться даже от женщин, выбился из сил, обливаясь потом, едва не лишился чувств. Меня насильно нарумянили, надели женские головные уборы и серьги и вытолкали на середину пиршественного зала. Я рухнул на пол, закашлявшись.

На миг в зале воцарилась тишина — никто не ждал от Сяо Лана такой выходки.

— Хлоп, хлоп, хлоп. — Кто-то принялся аплодировать, нарушая молчание. То был голос старшего принца Сяо Юя. — Слышал о неземной красоте дяди, но не думал, что в одеяниях актёра он столь прелестен. Лучше раз увидеть, чем сто раз услышать.

Я поднял веки, глаза мои налились кровью, и я устремил взор на него. Сяо Юй сробел перед моим взглядом и утратил улыбку. Взгляд мой невольно скользнул к Сяо Ду — но он не смотрел на меня, лишь сжимал кубок, лицо его пылало, костяшки побелели.

Я закрыл глаза, опёрся о пол, с трудом поднялся, стиснул зубы и, взмахнув рукавом, запел:

— Велю я Сихэ замедлить бег, чтоб к западу не мчался вскачь...